
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 316.624.3:159.99

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД В РАЗВИТИИ ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ: КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ОТКЛОНЯЮЩЕГОСЯ ПОВЕДЕНИЯ

Голоснов Олег Анатольевич

Девиантное поведение выступает особой тематикой в дискурсе современных социально-гуманитарных дисциплин, поскольку девиации являются оборотной стороной решения ключевого вопроса об архитектонике социального порядка. Вместе с тем, понимание природы этого феномена по-прежнему остается актуальной задачей. В настоящей статье рассматриваются концепция социальной аномии, продолжающая выступать смыслообразующим элементом российской девиантологии, а также ее возможности при анализе отклоняющегося поведения в постсоветском обществе.

Сформулирована авторская позиция, согласно которой норма и отклонение являются не надындивидуальной данностью, а вырабатываемыми различными группами социальными представлениями, которые в интересубъективном мире повседневности становятся самоочевидными феноменами реальности. В связи с этим отечественная девиантология стоит перед необходимостью определенного пересмотра своих концептуальных оснований. Дальнейшее развитие междисциплинарного подхода, в частности, использование социально-когнитивистских, феноменологических, конструкционистских концепций может дать возможность получения более адекватных ответов на взаимосвязанные вопросы – как вообще возможны отклонения, и почему они происходят, – поскольку объясняет и саму природу социального порядка.

В рассматриваемом отношении одним из наиболее перспективных подходов выступает использование концепции социальных представлений, разработанной С. Московичи. Социальные представления являются определенным набором понятий, берущих свое начало в повседневной коммуникации и интеракции, в результате чего они становятся общепринятыми, и с их помощью происходит создание реальности здравого смысла, обыденного знания. Самое непосредственное отношение эти процессы имеют

к определению значений континуума «норма – отклонение», а также факторов, под воздействием которых распространяющиеся в постсоветском обществе различные формы социального варварства приобретают статус самоочевидных феноменов повседневной реальности.

Ключевые слова: *девиация, аномия, нормативно-ценностный вакуум, социально-когнитивный подход, конструкционизм, социальные представления, интерсубъективность, конвенциональность, категоризация.*

Введение

Девиантное поведение выступает особой тематикой в дискурсе современных социально-гуманитарных дисциплин, что неудивительно, ибо социальные девиации являются оборотной стороной решения, по сути, главного вопроса – как возможен социальный порядок, какова архитектоника его становления и функционирования? Вместе с тем, сегодня по-прежнему актуальным остается то, насколько адекватно ученые представляют себе природу вышеуказанного феномена (равно как и сам механизм формирования социального порядка). Выраженные релятивность и неоднозначность самого понятия «девиантное поведение» обнаруживаются уже в первом приближении. Действительно, без понятия «норма» понятие «девиация» попросту нефункционально. В самом общем виде нормы представляют собой исторически сложившийся континуум допустимого и позволительного в поведении индивида, группы, из чего следует, что это также и определенный комплекс ожиданий и требований, предъявляемых обществом (общностью).

Адекватность требованиям и ожиданиям как критерий нормативности основывается на определенном понимании полезности, безопасности и т. п. Здесь достаточно вспомнить тот хрестоматийный исторический факт, что руководствуясь именно соображениями полезности, сограждане признали идеи Сократа общественно опасными в степени, требующей применения к нему высшей меры наказания.

Кроме того, плеядой выдающихся исследователей экзистенциально-гуманистического направления (В. Франкл, Э. Фромм, К. Хорни и др.) было показано, что приспособление к требованиям социальной среды способно деструктивно воздействовать на личность посредством навязывания ей чуждых ценностей и потребностей и, следовательно, вряд ли может рассматриваться как универсальный критерий разграничения нормы и отклонения (например, анализ патогенности формирования так называемой «тирании долженствования» как определенного поведенческого императива).

В качестве иллюстрации обращения к неким идеальным нормам можно привести точку зрения отечественного исследователя Б. С. Братуся, который нормальным считал такое развитие человека, которое ведет его к обретению

родовой человеческой сущности, проявляемой в следующих характеристиках – отношение к человеку как самоценности, способность к любви и творчеству, внутренняя ответственность перед собой и другими и т. п. [12]. Объективная и непредвзятая практика жизненных наблюдений показывает, что зачастую в обществе вполне нормальными называются люди, в своем поведении очень далеко отстоящие от подобного идеализированного образца.

Помимо этого, социальные нормы, как известно, имеют культурально и исторически изменчивый характер. Так, например, практически до конца 80-х гг. XX в. в нашей стране для подавляющего большинства людей слова «бизнес» и «бизнесмен» преимущественно означали элементы разнообразных антикапиталистических агиток, а предпринимательская активность была чревата наступлением уголовной ответственности.

Уже только этих приведенных доводов достаточно для понимания проблематичности определения значений интервала «норма – отклонение». Для целей настоящего исследования гораздо важнее то обстоятельство, что *как норма, так и девиация по своей природе являются формирующимися в обществе представлениями людей соответственно о мере, рамках допустимого в поведении и о характере выхода за их пределы. Эти представления разделяются с другими людьми и ложатся в основу формирования картины мира, обретения личностной и социальной идентичности.*

Я. И. Гилинский делает выдержку из результатов проведенного в США в начале 60-х гг. XX в. социологического опроса, имевшего целью выяснить, как люди определяют девиантность. В ходе описанного исследования было получено более 250 различных ответов, в т. ч.: кинозвезды, насильники над детьми, извращенцы, профессиональные картежники, наркоманы, политические экстремисты, консервативно настроенные, женщины-карьеристки, проститутки, лгуны, обольстительницы, священники, атеисты, либералы, коммунисты, алкоголики, пенсионеры, уголовники, разведенные, водители-лихачи, всезнайки-профессора (Р. Симмонс, 1965) [8].

Очевидно, что выявленный в указанном исследовании разброс мнений и оценок обусловлен как различиями в особенностях индивидуальных биографий, так и действием целого комплекса микро- и макросоциальных факторов. Аналогичных примеров любой исследователь-девиантолог может привести большое количество, в том числе из жизни российского социума на этапе современности. Так, априори девиантной предпринимательская деятельность сегодня воспринимается только представителями старшего поколения. В то же время, в рассматриваемом отношении весьма показательна резонансная история 2010 г. с судом над так называемыми «приморскими партизанами» – организованной преступной группой, в течение определенного времени совершившей в Приморском крае несколько

убийств сотрудников правоохранительных органов. Несмотря на содеянное, в общественном мнении, СМИ представители данной ОПГ получили поддержку и даже моральное оправдание как борцы с дискредитировавшими себя силовыми структурами.

С учетом всего вышесказанного девиантологи должны стремиться найти ответ на вопросы не только о том, *как и почему происходят отклонения от норм, регулирующих жизнь человеческих обществ*, но и о том, *как вообще возможно отклонение*.

Концепция социальной анонии как системообразующий элемент отечественной девиантологии и ее возможности в анализе девиаций в современном российском обществе

В частности, в современной западной девиантологии и криминологии стали активно развиваться постмодернистские концепции преступности и иных проявлений девиантности, трактующие их в качестве социальной конструкции. В работах таких авторов, как Н. Кристи, М. Робинсон, Л. Халсман, Н. Хесс, С. Шеерер, Э. Янг и мн. др., девиации рассматриваются не как онтологическое явление, а как мыслительная конструкция, имеющая при этом преходящий характер, из чего следует радикальный тезис о несуществовании девиантного поведения в природе [9]. Нормативно-ценностный порядок в высшей степени релятивен, чему наглядный пример – реагирование определенных социальных институтов на пресловутые «преступления без жертв» (Э. Шур): гомосексуализм, наркопотребление, проституция и т. п. Этому очень созвучна интеракционистская позиция сторонников теории стигматизации, согласно которой девиантность – не имманентно присущее некому социальному действию качество, а следствие его «называния» в качестве такового в результате соответствующего отношения общества.

Это, разумеется, не означает принципиальную произвольность процессов конструирования девиантности. Так, очевидно, что фиксируемый в постсоветском периоде высокий уровень распространения наркотизма в России, события наподобие происходивших в городах Кондопога и Сальск, станице Кущёвской и т. п. не могут не создавать угроз стабильности общества. Следовательно, трудно переоценить значимость выявления конкретных причинно-следственных связей в развитии соответствующих явлений.

Между тем, согласно авторитетному мнению Я. И. Гилинского, отечественная девиантология далеко не в полной мере отвечает вызовам времени. Последняя не вписалась в должной мере в мировую, не включена в нее, нет значимых теоретических прорывов [7]. Это обстоятельство способно ставить под сомнение ее возможности к получению адекватных ответов на вышеуказанные вопросы.

На наш взгляд, наиболее наглядно сказанное можно продемонстрировать на примере осуществляемого в отечественной девиантологии анализа явления *социальной аномии*, характеризующего транзитивность российского общества. Данное понятие, введенное в социологический оборот Э. Дюркгеймом и в дальнейшем развитое Р. Мертоном, с начала 90-х гг. XX в. выступает в качестве своеобразного «стержня», центрального, смыслообразующего элемента девиантологического дискурса. В частности, отмечается, что в течение более двадцати лет едва ли не половина статей в «СОЦИСе» затрагивает проблему социальной аномии в России [15].

Один из наиболее известных исследователей кризисных явлений «переходного» российского социума С. Г. Кара-Мурза в своей работе «Аномия в России: причины и проявления» (2013) «аномичность» общества на всем постсоветском этапе последовательно рассматривает с позиций концептуализации польским социологом П. Штомпой резких и масштабных социокультурных изменений как травмы. П. Штомпка отмечает: «Травма появляется, когда происходит раскол, смещение, дезорганизация в упорядоченном, само собой разумеющемся мире... Ценности теряют ценность... нормы предписывают непригодное поведение...» [29, с. 6]. При этом С. Г. Кара-Мурза подчеркивает, что основную массу населения втянули в так называемую «революцию притязаний», заставили отказаться от нравственных норм в пользу гедонистических и потребительских, что становится для него постоянным источником стресса и генератором аномии [15].

Отсюда автором делается вывод о сохранении вышеуказанной травмы, случившейся в начале 90-х гг. В современной России существенно уменьшилась доля готовых проявить отзывчивость и взаимопомощь, а насаждение идеологии продажности привело к повсеместной распространенности безудержного внеэтического индивидуализма и т. п., – и это картина дальнейшего погружения России в бездну аномии [15]. Действительно, не вызывают сомнения выводы социологов о распространенности «морального релятивизма» среди молодого поколения: согласно исследованиям, молодежь стала еще более беспринципной по сравнению с 90-ми гг.; многие молодые люди полагают, что «современный мир жесток, и чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступить через моральные принципы и нормы» [11, 14, 21, 27].

Вместе с тем, к настоящему времени результаты многочисленных исследований позволяют весьма критически оценивать тезис о сохранении на протяжении всего постсоветского периода воспроизводства социокультурной травмированности общества, т. е. аномии в дюркгеймовском понимании.

Особенно ярко это прослеживается в исследованиях мнений и оценок, ценностных ориентаций молодежи как «метафоры перемен». Так, отечественные

исследователи М. К. Горшков и Ф. Э. Шереги на основе обобщения данных репрезентативных всероссийских опросов, проведенных в разные годы Институтом комплексных социальных исследований РАН и Институтом социологии РАН, обращают внимание на выявленную тенденцию к установлению позитивного восприятия происходящего в стране. По сравнению с концом 90-х гг., российская молодежь более чем в два раза чаще заявляет о том, что сегодняшняя жизнь в России им нравится (скорее нравится). Кардинально меняются оценки прошлого и настоящего. Например, в 2000 г. только 6 % россиян считали, что самая хорошая жизнь началась в условиях рыночной экономики, а в 2012 г. уже почти треть респондентов присоединились к мнению о том, что «русская мечта» наиболее полно воплотилась в современный период истории России – в «эпоху Путина» [25].

Это резко контрастирует с результатами исследований начала 90-х гг. В частности, С. В. Мошкин и В. Н. Руденко в 1994 г. в ходе опросов школьников установили наличие страха за свое будущее: боязни быть убитыми или ограбленными на улице, в подъезде. Преобладали пронизанные страхом смерти высказывания по типу: «Боюсь, что не доживу до 20 лет», «Мне кажется, что я никогда не стану взрослым – меня убьют» и др. [24].

В рассматриваемом отношении представляют также большой интерес результаты проведенных Е. М. Белинской и О. А. Тихомандрицкой лонгитюдных сравнительных исследований образов «возможных «Я» у российских подростков. В большинстве случаев в начале 90-х гг. в качестве престижных достижений своего «завтра» фигурировали: наличие собственной фирмы или «дела», обладание определенной маркой автомобиля и видеомэгафона, возможность потребления импортной пищи. При этом не упоминался характер профессиональной деятельности, желаемый уровень и качество образования. В представлениях подростков конца 90-х гг. личное «социальное будущее» претерпело значительные изменения. В качестве престижных собственных достижений выступили обладание высокооплачиваемой профессией, предполагающей работу по найму в зарубежной фирме, наличие собственной квартиры и загородной виллы; в значительной степени оказались представлены характеристики уровня образования и особенности досуга [28]. Показательно, что в сравнении со слабо структурированными и игнорирующими причинно-следственные связи образами начала 90-х гг. представления конца 90-х гг. выглядят гораздо реалистичнее.

В концепции Э. Дюркгейма аномия – это состояние общества, когда при резких социальных изменениях в силу нарушения нормативно-ценностной системы оно на определенный промежуток времени оказывается неспособным влиять на поведение его членов. Аномичность общества и, как следствие, социальная дезориентированность индивида при явном, контрастирующем

рассогласовании ранее усвоенных предписаний и ожиданий с реальными условиями деятельности характерны прежде всего для России начала 90-х гг. Подобная социальная дезорганизация очевидна и неизбежна, особенно с учетом масштабности и скорости произошедших изменений. Такие потрясения в социальном плане в высшей степени травматичны.

Вместе с тем, полагать возможным сохранение нормативно-ценностного вакуума в течение почти 25 лет постсоветского периода вряд ли правомерно. Вышеприведенные примеры показывают, как менялись представления подрастающего поколения (в особенности если речь идет о подростках, находящихся на стадии первичной социализации). Особенно наглядны столь высокие оценки «эпохи Путина», и это не просто отражение свойственной юности чрезмерной оптимистичности, а некая обобщенная оценка произошедших изменений.

Более того, на наш взгляд, очевидный нонсенс представляет собой сам термин «нормативно-ценностный вакуум». Социальные нормы, считающиеся общепринятыми, изначально вырабатываются определенными группами и затем могут получать широкое распространение и утверждение. Так, например, в XVII в. в Британии, затем (и в особенности) в Новом свете в качестве таковых утвердились пуританские нормы, основанные на протестантизме кальвинистского образца. Строгость пуританского регулирования поведения сегодня способна покоробить самого ярого поборника «духовных скреп»: запреты театральных представлений, развлечений, нарядной одежды и т. п. В современном американском обществе, что характерно, социальный порядок в значительной степени строится на институционализации ценностей среднего класса, основывающихся именно на элементах протестантской трудовой этики (вопрос об обоснованности и верифицируемости выводов М. Вебера не входит в задачи настоящего исследования).

В России начала 90-х гг. нарушение сложившейся ранее конфигурации нормативно-ценностного регулирования способствовало его партикуляризации, когда для различных социальных групп ориентиром поведения стали свои представления о разграничении допустимого и недопустимого. Здесь необходимо отметить, что общим моментом в исследованиях «переходного периода» российского общества выступает подчеркивание выраженной криминализации этого процесса, причем речь не только о стремительном распространении, в частности, организованной преступности, но и о приобретении легитимности этикой и эстетикой преступного мира, в результате чего преступность трансформировалась едва ли не в механизмы социального контроля [16, 17, 20].

Сторонники идеи нормативно-ценностного вакуума как следствия масштабных социальных трансформаций, по сути, исходят из предпосылки

о некой статичной, эссенциалистской природе так называемых общепринятых норм и ценностей, тогда как последние отражают прежде всего вырабатываемые различными общностями представления о должном, предосудительном и желаемом, которые под воздействием определенных факторов способны институционализироваться.

Между тем, подобный подход, на наш взгляд, стал своеобразным мейнстримом отечественной девиантологии. В ряде вышеуказанных исследований по-прежнему воспроизводятся концепты, подобные рассматриваемым в работах примерно десятилетней давности, где исследователи отмечали характеристики дезинтеграционных процессов российского общества – вакуумизацию общественного сознания, смещение ценностных ориентаций, отсутствие идеологических ориентиров и т. п. [4, 19].

В значительно большей степени применимой в отношении исследования девиации как дезорганизации личности и общества выглядит концепция аномии Р. Мертонa. В отличие от дюркгеймовской трактовки аномии как временной утраты идентификационных структур и нарушения нормативно-ценностной регламентации поведения (которые попросту не могут длиться вечно), последняя акцентирует внимание на том, как сама социальная система, вполне стабильная и не подверженная существенным трансформационным процессам, побуждает индивида выходить за рамки норм. Результатом рассогласованности вырабатываемых социальной системой целей и институционализированных в ней средств их достижения выступает нарушение интеграции индивида с обществом, непризнание нормативных ограничений, морально-этических обязательств (беспринципность, моральный релятивизм, эгоцентризм и т. п.).

Мертоновская концепция аномии получила свое дальнейшее развитие в исследованиях американских социологов Р. Клоурда, А. Коэна, Л. Олина и др., где акцент ставится на особенностях поведения различных низкостатусных групп населения, у которых ограничение институционализированных возможностей достижения успеха сочетается, как правило, с высоким потенциалом использования нелегальных средств. Вместе с тем, «Великая российская криминальная революция» 90-х гг. показала, что преступность не локализовалась в пределах низшего социального слоя, маргинализированных групп. Э. Сазерленд в попытке объяснения причин разной степени распространенности противоправной мотивации в разных социальных группах разработал концепцию дифференцированной ассоциации, согласно которой криминальному поведению также научаются, во взаимодействии с носителями соответствующих традиций, норм и ценностей. Но тогда не совсем понятно, откуда сами по себе берутся различные девиантные (криминальные) образцы поведения, и кроме того, нет объяснения целому ряду противоправных деяний (в частности, «беловоротничковых» и т. п.).

Концепция аномии и девиации Р. Мертонa, апеллирующая к продуцированию самой социальной структурой различных образцов отклоняющегося поведения, тем не менее, грешит механистичностью и индивидуализированностью. Совершенно непонятен выбор конкретной формы девиации, и, что особенно характерно, процесс акцентирования и усвоения определенных целей, по сути, лишь обозначается, констатируется как некая данность, причем от анализа совершенно ускользают процессы социальных взаимодействий, в ходе которых это могло бы происходить.

На наш взгляд, подобные теоретико-методологические затруднения проистекают из самой специфики функционалистской парадигмы, в рамках которой и формировались многие из подобных концепций социальной аномии. Так, например, в структурно-функционалистской теории, как критически замечает ученик Т. Парсонса Г. Гарфинкель, «отдельный человек является “оценивающим простофилей”, который действует в квазиэмосознанном согласии с наличными альтернативами действий, заранее заданными “общей культурой”, и не имеет ни возможности, ни способности осмысленно структурировать, то есть интерпретировать ценности культуры и социальные нормы» [1, с. 156]. С критикой такого понимания взаимодействия личности и общества выступали многие исследователи (труды Г. Блюмера, Ч. Кули, Дж. Мида, символический интеракционизм, представители феноменологического и герменевтического направления – П. Бергер, И. Гофман, Э. Гуссерль, Т. Лукман, П. Рикёр, А. Щюц и др.).

Сторонники феноменологического направления в социологии, такие как П. Бергер, Т. Лукман, А. Щюц и их последователи, подчеркивают тот факт, что общество одновременно является как объективной, так и субъективной реальностью. Следовательно, сама социальная реальность существует не только в качестве надличностной данности, но как мир, создающийся в мыслях и действиях людей, переживаемый ими в качестве такового, – мир повседневной реальности [5]. Она *интерсубъективна*, т. е. конструируется и поддерживается во взаимодействии людей, в ходе которого ими разделяется определенная совокупность конвенциональных значений, становящихся по мере их усвоения самоочевидными, интуитивно достоверными, непротиворечивыми. Другими словами, с микросоциологической, в частности, феноменологической точки зрения, как отмечает Л. Е. Ионин, «... решение проблемы социального порядка (*равно как и девиации*, – курсив наш. – О. Г.) следует искать не в фактическом ценностном консенсусе (где ищут его функционалисты) и не в насилии (как то предполагается конфликтным подходом), а в когнитивных структурах осмысления и описания социального мира, которые применяются участниками в ходе их повседневных взаимодействий» [13, с. 55].

Концепция социальных представлений и перспективы ее применения в анализе феномена отклоняющегося поведения в российском социуме

В начале настоящей статьи нами уже было указано, что норма и отклонение – это прежде всего представления людей о пределах допустимого и недопустимого. Будучи субъективными, они при определенных обстоятельствах могут приобретать свойства «объективной фактичности».

Одним из наиболее известных концептов, позволяющих объединить анализ когнитивных механизмов формирования ментальных репрезентаций с изучением истоков социальности природы любого познания, осуществляемого рядовым индивидом в процессе его повседневной жизнедеятельности, выступает теория социальных представлений, разрабатывавшаяся известнейшим французским социальным психологом С. Московичи и его последователями (Ж. Абрик, Д. Жоделе, Ж. Кодол, М. Плон, К. Фламан и др.). Идеологический посыл ее был направлен конкретно против господства в социальной психологии бихевиористского подхода к объяснению поведения, постулирующего идею о некоем эталонном, как из Палаты мер и весов, внесоциальном индивиде, реагирующем на входящие стимулы, равно как противостоял он и узости когнитивизма с его трактовкой человеческого сознания в виде своеобразной информационно-вычислительной машины, обрабатывающей поступающую из внешней среды информацию.

Воспринимаемая и обрабатываемая перцептивной и когнитивной системами индивида информация «препарируется» социальными представлениями, которые классифицируют получаемые «данные», относят их к той или иной категории, дают им наименование и превращают в объект коммуникации; представления – это определенная социальная «призма», через которую воспринимается (предстает) окружающая действительность [2, 30].

Возможность подобного «наведения мостов» между индивидуальным опытом восприятия и понимания и опытом социальным С. Московичи видит в самом происхождении социальных репрезентаций, рассматриваемых в качестве определенного набора понятий, убеждений и объяснений, берущих начало в повседневной межличностной коммуникации; в результате они становятся распространенными, общепринятыми, и с их помощью происходит создание реальности здравого смысла, обыденного знания [10, 22, 23].

Последнее обстоятельство делает социально-психологическую концепцию С. Московичи весьма близкой феноменологической социологии знания. П. Бергером и Т. Лукманом были развиты тезисы А. Шюца относительно механизмов, посредством которых структура повседневного мышления преодолевает индивидуальные различия при построении intersубъективной реальности. А. Шюц раскрывает характер intersубъективности посредством

постулатов о взаимности перспектив и совпадении систем релевантностей, в результате чего элементы разделяемой с другими реальности представляются в качестве объективных, независимых от индивидуальных особенностей.

П. Бергер и Т. Лукман к таким механизмам добавляют понятия хаби-туализации, типизации, объективации и легитимации. Так, повседневно повторяемые социальные практики постепенно опривычиваются, классицируются и типизируются. Взаимность типизаций (взаимозаменяемость перспектив и совпадение релевантностей) способствует тому, что конструируемая и поддерживаемая индивидами в их взаимодействии социальная реальность начинает приобретать свойство объективности и независимости от субъективных значений. По сути, именно благодаря объективации системы взаимных типизаций различные явления и объекты окружающей действительности приобретают характер социальных фактов в терминологии Э. Дюркгейма.

Вместе с тем, сказанное не отменяет факта субъективности восприятия, равно как и уникальности перипетий индивидуальных биографий. Поэтому для того, чтобы различные субъективные значения повседневности смогли приобретать свойства объективной фактичности, необходимо действие механизма легитимации, т. е. соответствующих способов объяснения и оправдания существующего социального порядка. И здесь П. Бергер и Т. Лукман особое внимание уделяют роли так называемого символического универсума, понимаемого как «...матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений... В смысловом универсуме... отдельные сферы реальности интегрированы в смысловую целостность, которая объясняет, а возможно, и оправдывает их...» [5, с. 158].

Весьма остроумно П. Бергер и Т. Лукман описывают механизм легитимации некой совокупности значений на гипотетическом примере сообщества, в котором институционализирован гомосексуализм. При столкновении с иным определением реальности, гетеросексуальным, способным поставить под сомнение принимаемые за само собой разумеющиеся когнитивные («зрелые мужчины по природе любят друг друга») и нормативные («зрелым мужчинам следует любить друг друга») элементы, подобный символический универсум концептуально ликвидирует такую угрозу взглядом на антигомосексуальные группы как на нечто недочеловеческое: «...их антигомосексуализм есть варварская бессмыслица, каковую здоровым людям не следует принимать всерьез» [5, с. 183]. Благодаря наличию такого универсума, в процессе формирования различными группами социальных представлений появляется возможность «зацепления» за соответствующую категорию об антигомосексуальности как девиации. В дальнейшем, становясь своеобразной «призмой» социального восприятия и познания, эти представления при взаимодействии

с любым опытом гетеросексуальных практик будут способствовать определению последних в качестве постыдного отклонения.

То есть, речь идет о том, что будучи формируемыми в ходе коммуникации на основе имеющегося социального запаса знания, социальные репрезентации, в свою очередь, встраиваясь в систему конвенциональных образов и понятий, обеспечивают готовность категорий, облегчая процесс категоризации и позволяя переводить нечто новое в давно знакомое, соответствующее здравому смыслу. Без их циркуляции в интересующем, разделяемом с другими мире становится невозможным возникновение феноменов взаимности перспектив и совпадения релевантностей, без чего окружающий мир утрачивает свойство надындивидуальности, само собой разумеющейся действительности. В этом и заключается идея сторонников рассматриваемых направлений о взаимосвязи процессов интерпретации социальной реальности и ее конструирования.

С точки зрения подобного концептуального обоснования, сочетающего в себе феноменологический и социально-когнитивный подходы, трактовка аномии как нормативно-ценностного вакуума уязвима для критики. Показательно, что П. Штомпка, интерпретируя резкие социальные изменения как травму, объяснял ее дезорганизацией в *привычном, само собой разумеющемся мире*. Так, например, Г. М. Андреева отмечает: «Для групп, сформировавшихся до начала реформ, они выглядели чем-то “нарушающим” естественный ход событий, пугающим... Но когда изменения стали очевидными, перед массовым сознанием, естественно, встал вопрос об их оценке... В нашем исследовании... проведенном в несколько этапов (*в начале и в конце 90-х*, – курсив наш. – О. Г.), было выявлено, что количество молодых людей, оценивающих ситуацию в России как “нестабильную”, уменьшается в ходе преобразований, и растет число тех, для кого существующая ситуация стабильна, поскольку иной они просто не знают» [3, с. 9–10]. Этот вывод согласуется с вышеуказанными результатами проведенных Е. М. Белинской и О. А. Тихомандрицкой исследований среди подростков и т. п. Другими словами, имевший место в начале 90-х гг. нормативно-ценностный вакуум был достаточно быстро, образно говоря, наполнен новым смысловым содержанием, благодаря интересующему формируемому при помощи циркуляции социальных представлений пространству само собой разумеющейся повседневной реальности, наполненной разнообразными самоочевидными феноменами. В частности, этим достаточно хорошо объясняется механизм усвоения индивидом культурно акцентированных целей материального успеха, которое Р. Мертоном указывается и в дальнейшем используется как исходный пункт, но при этом практически не аргументируется: если подобные цели и мотивы становятся частью «жизненного мира» индивида, с позиций

которого он склонен полагать, что другие видят и понимают мир так же, то они превращаются уже в некий поведенческий императив, отражающий неподлежащую сомнению объективность.

В постсоветском обществе с 90-х гг. постепенно начинается процесс нового «определения реальности» (У. Томас). И, в отличие от структурно-функционального, с точки зрения постулируемого нами подхода о целостности познания и конструирования действительности появляется, на наш взгляд, больше возможностей для адекватного ответа на вопрос о том, *как вообще возможно отклонение*. Выше уже приводились результаты социологических исследований 2000-х и 2010-х гг., согласно которым российские подростки и молодежь стали еще более безнравственными и беспринципными, чем в 90-е гг. К. Н. Брутенц отмечает, что россияне «...почти без всякого протеста и нравственного неприятия выживают в условиях тотальной коррупции, всеохватывающего взяточничества, сопровождающего едва ли не каждый их шаг, разгула криминалитета» [6, с. 396–397]. Подобно данному автору, это можно рассматривать лишь как пример моральной деградации. С другой стороны, вполне оправдана и принципиально иная трактовка: в условиях разделяемых с другими социальных представлений как своеобразной «категориальной сетки» недопустимость по этическим причинам тех или иных действий не выступает в качестве само собой разумеющейся вещи и потому попросту не понимается. В этой связи зачастую общение с подростками и молодежью на морально-нравственные темы напоминает разговор на разных языках.

В рассматриваемом отношении также весьма интересно наблюдение С. А. Кравченко относительно восприятия нормативности экономических практик: «Текстовый жанр многих преуспевающих агентов экономического поля свидетельствует о том, что они верят, думают, живут и действуют “по-западному, по общецивилизационным нормам”... Между тем... их коллег с Запада... повергают в шок масштабы нечистоплотных комбинаций...» [18, с. 7].

В качестве одного из наиболее деструктивных факторов, способствующих моральной деградации и разрушению правосознания, часто указывается тотальная, всепроникающая коррупция. В ряде исследований (к сожалению, немногочисленных) дается хорошее феноменологическое объяснение. В частности, отмечается, что зачастую в предпринимательской среде типизируется представление о чиновнике как о субъекте, выдающем и отбирающем право на предпринимательскую деятельность. Кроме того, обязательным признаком институционализации взяточничества является формирование коррупционной «знаковой системы» – в общем смысле знания неформального языка чиновников, сленга («отмывание», «крышевание», «откат», «дать на лапу») [26]. Действительно, если социальные представления, способствующие типизации различных ситуаций и социальных ролей, – это прежде всего набор понятий

и утверждений, помогающих категоризировать социальный объект и поместить его в уже существующий класс объектов, то циркуляция в обществе, в том числе и в бизнес-среде, понятий типа «откат» (тем более – «статусная рента») вместо с давних времен существовавших «мздоимства» и «лихоимства» делает данную практику привычной и уже практически легитимной.

Поэтому многие довольно уродливые явления действительности россияне и не рассматривают в качестве нарушения норм, и это не просто факт безразличия, «примирения со злом». В данном случае приходится согласиться с мнением шведского социолога Л.-Э. Берга, согласно которому с феноменологических, конструкционистских позиций социальное отклонение относительно, поскольку черное выглядит черным только на белом фоне [31].

Вообще факт деструкции правосознания российских граждан, в особенности молодежи, широко представлен в девиантологических исследованиях, как правило, в контексте масштабной криминализации общества. При этом часто указывается не только на распространенность противоправных действий, но также этики и эстетики преступного мира.

Здесь стоит еще раз напомнить, что в постсоветском периоде преступность не была локализована какими-то маргинальными слоями. (Конечно, особенно показательны в рассматриваемом отношении 90-е гг. – в широком диапазоне от того, что называется «бытовухой», до деятельности различных ОПГ и ОПС). При этом характерно, что в бывших социалистических странах на этапе их социальной трансформации, несмотря на общность признаков аномии – экономический кризис и политическая нестабильность, нарушение механизмов социального контроля и т. п., – криминализация общества не достигала угрожающих масштабов, подобных российским.

В свое время в западной социологии получили развитие социокультурные концепции девиантности, объясняющие склонность к нарушениям норм у отдельных групп. В частности, В. Миллер полагал, что культуре низших слоев априори присуща девиантогенность – она придает большое значение асоциальному поведению, агрессивности и демонстрации физической силы, тяге к азартным играм, эстетизации подчинения некой «судьбе» и т. п. Думается, здесь нет особой необходимости лишней раз доказывать, что в современном российском обществе широко укоренены многие из указанных черт. Что же касается криминальных этики и эстетики, то сегодня такие сугубо уголовные по своему происхождению понятия, как «лох», «терпила», «олень», «погоняло» и др., входят в лексикон самых разных социальных групп, их без всякого преувеличения можно услышать как от школьника, так и от пенсионера.

На наш взгляд, данное обстоятельство вполне объяснимо, если принять во внимание существование в советском обществе широкого пласта криминальных традиций и соответствующих субкультурных элементов,

распространяемых за счет большого количества лиц, прошедших через пенитенциарную систему. С распадом Советского Союза, в период реально имевшего место резкого ослабления нормативно-ценностной регуляции и неизбежных нарушений механизма социального контроля подобные традиции и поведенческие образцы существенно расширили зону своей локализации, индоктринируя многих постсоветских граждан, утративших четкие контуры надлежащего и предосудительного. Криминальная составляющая стала едва ли не доминантой пространства социальной коммуникации, особенно если учесть немислимое в советское время количество СМИ (в том числе негосударственных) и практически неконтролируемого контента. Сюда же следует отнести, например, появление многочисленных криминальных сериалов. Все это способствовало тому, что социальные представления, вырабатываемые определенными криминальными группами, получили распространение, становясь «категориальной сеткой» восприятия действительности, ее опривычивания и типизации в категориях здравого смысла для широких слоев общества.

Очевидно, что подобное стало возможным далеко не только потому, что государство и общество с началом постсоветского периода самоустранились от воспитательных задач, как это нередко можно услышать и в обывательской и в научной среде. Ни тогда, ни сейчас семья, школа, политические и культурные институты не пропагандируют, явно или неявно, беспринципность, моральный релятивизм, неуважение к любым правилам. Важную роль в формировании подобной непротиворечивой повседневной реальности, в которой при этом наличествуют размывание границ «белого» и «черного», нормы и отклонения, адаптивная вариативность и амбивалентность морали, выполняет реализация номической функции (в терминологии П. Бергера и Т. Лукмана) определенного символического универсума как некоей смысловой матрицы. Символический универсум дает вырабатываемым различными группами социальным представлениям возможность «зацепляться» за такие базовые значения и категории и, тем самым, в дальнейшем становиться «социальной призмой» восприятия и познания действительности.

Постсоветский период характеризуется концептуализацией в массовом сознании нового образа социально успешного человека, неотъемлемые атрибуты которого – отказ от патерналистских ожиданий, а также личностные качества, помогающие выживать в ситуации высокой конкурентности. Материалы масс-медиа, научные публикации были насыщены идеями о необходимости «десоветизации» мышления, затрудняющего адаптацию к новым условиям. Это сопровождалось красочным описанием в различных СМИ образа жизни и возможностей потребления наиболее материально обеспеченных, состоятельных представителей общества (многие из которых при

этом приобретали данный социальный статус незаконным путем). Социальные представления как набор утверждений, образов и понятий, среди которых распространились категории криминального происхождения, в рамках этой смысловой матрицы получали обоснование и объяснение как адекватные новым реалиям повседневности, что, в конечном итоге, способствовало легитимации нарождающегося социального порядка. Образно говоря, в зависимости от преобладания той или иной матрицы значений человек, не различающий способы обогащения и реализующийся в получении нехитрых удовольствий, может быть определен и как духовно неразвитый маргинал, и как позитивно настроенная, незакомплексованная личность. В российском обществе существуют и иные версии символического универсума, в частности, основанного на значениях еще советского времени, но его возможности легитимации несоизмеримо ниже, в особенности если брать средства масс-медиа, где из всего советского заимствуются в основном только образы героического прошлого, тогда как, например, сериалов «про ментов и бандитов» и сегодня на всех федеральных каналах большое множество.

В результате сегодня в российском обществе имеет место ситуация, при которой различные асоциальные и антисоциальные поведенческие установки широко распространены и за пределами маргинальных, «придонных» слов. Сюда относится широчайший спектр явлений – от пандемии обычного бытового хамства и засилья ненормативной лексики до не подверженной рефлексии готовности к совершению любого преступления под действием «тирании долженствования» и т. п.

Заключение

Таким образом, отечественная девиантология, на наш взгляд, стоит перед необходимостью определенного пересмотра своих концептуальных оснований, с позиций которых она пытается анализировать феномен отклоняющегося поведения в российском обществе. К настоящему моменту проведены многочисленные эмпирические исследования девиации, выявившие факты широкой распространенности различных асоциальных и антисоциальных форм поведения, в том числе среди подростков и молодежи. Их объяснение с традиционных социологических позиций зачастую имеет характер констатации факта, причем нередко, по сути, переходит в морализаторство, что малопродуктивно. Доминирование концепции социальной аномии как основного объяснительного принципа – самое яркое тому свидетельство. Акцент по-прежнему ставится на разрушении нормативно-ценностной системы. Значительно меньше внимания уделяется процессам формирования контуров социальной реальности, отражающих специфику указанного периода (что особенно актуально по отношению к несоветскому поколению,

не познавшему всей «травматичности» социальной транзycji).

В свете вышесказанного развитие междисциплинарного подхода, в частности, использование социально-когнитивистских, феноменологических, конструкционистских концепций может дать возможность получения более адекватных ответов на указанные в начале настоящей статьи взаимосвязанные вопросы – как вообще возможны отклонения, и почему они происходят, – поскольку объясняет и саму архитектуру социального порядка. Известно, что люди живут в мире значений, а не стимулов (Г. Блюмер), и эти значения – не просто психическое «отражение» некоей объективной, надындивидуальной данности: они разделяются с другими и тем самым формируют картину мира, в рамках которой соответствующим образом трактуются нормативность и девиантность, а также проявляется девиантогенность.

Применительно к анализу отклоняющегося поведения подобные задачи развития девиантологических исследований продиктованы жизненной ситуацией. Если состояние аномии как нормативно-ценностный вакуум имманентно содержит возможность его преодоления через какое-то время путем неких макросоциальных воздействий (например, влиянием «сильной руки» и т. п.), то фиксируемое распространение различных форм социального варварства, в интерсубъективном мире приобретающих статус самоочевидных феноменов повседневной реальности, подобных шансов уже не оставляет, причем на совершенно неопределенный период.

Литература

1. *Абельс Х.* Интеракция, идентичность, презентация. Введение в интерпретативную социологию. – СПб., 1999.
2. *Андреева Г. М.* Психология социального познания. – М., 2000. – С. 207–209.
3. *Андреева Г. М.* Социальная психология и социальные изменения // Психологический журнал. – 2005. – № 5.
4. *Анисимова С. Г.* Личность в постиндустриальном обществе: транзycja через аномию // Вестник Северо-Восточного федерального университета. – 2008. – № 4. – С. 84–89.
5. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. – М., 1995.
6. *Брутенц К. Н.* Пагубный упадок нравов: нужна действенная терапия // Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. – М., 2008.
7. *Гилинский Я. И.* Девиантогенность и девиантология в современной России // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: Изд-во РОС, 2012. – 1 CD ROM.

8. *Гилинский Я. И.* Девиантология. – М., 1999. – С. 11.
9. *Гилинский Я. И.* Конструирование девиантности: проблематизация проблемы // URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/819>
10. *Емельянова Т. П.* Социальное представление – понятие и концепция: итоги последнего десятилетия // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 6. – С. 39–48.
11. *Жирнов А. А.* Молодость как социокультурный феномен: автореф. дисс. ... канд. культурологии. – Шуя, 2011.
12. *Змановская Е. В.* Девиантология: психология отклоняющегося поведения. – М., 2004. – С. 21.
13. *Ионин Л. Г.* Социология культуры. – М., 2004.
14. *Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н.* Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. – 2012. – № 6. – С. 121–126.
15. *Кара-Мурза С. Г.* Аномия в России: причины и проявления. – М., 2013. – С. 6, 57, 175.
16. *Климов И. А.* Психосоциальные механизмы возникновения кризиса идентичности // Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т. Г. Стефаненко. – М., 2001.
17. *Костюковский Я.* Социальный контроль и организованная преступность // Социальный контроль над девиантностью. – СПб., 1998.
18. *Кравченко С. А.* Гуманистическая концепция Т. Лукмана и нелинейные реалии российского общества // Социологические исследования. – 2006. – № 8.
19. *Краснова Е. А.* Феномен аномии в современном российском обществе / Тезисы 1 Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения 2004. Российское общество и вызовы глобализации». – М., 2004. – С. 58–61.
20. *Кривошеев В. В.* Особенности аномии в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 3.
21. Молодежь в России. 2010. Обзор литературы. Доклад ООН / Под ред. Я. Охана. – М., 2011.
22. *Московичи С.* От коллективных представлений к социальным (к истории одного понятия) // Вопросы социологии. – 1992. – Т. 1. – № 2. – С. 83–95.
23. *Московичи С.* Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16. – № 1. – С. 3–18.
24. *Мошкин С. В., Руденко В. Н.* За кулисами свободы: ориентиры нового поколения // Социологические исследования. – 1994. – № 11.
25. Россия и Китай: молодежь XXI века / Отв. ред. М. К. Горшков, Ли Чунлинь. – М., 2014. – С. 385–387.

26. *Симонов А. А.* Механизм институционализации взяточничества в российском обществе // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М., 2012. – 1 CD ROM.
27. Совесть: бесполезное свойство души? // Круглый стол по проблемам нравственности и духовности. – СПб., 2010.
28. Трансформация идентификационных структур в современной России / Под ред. Т. Г. Стефаненко. – М., 2001. – С. 45–47.
29. *Штомпка П.* Социальное изменение как травма // Социологические исследования. – 2001. – № 8.
30. *Moscovici S.* On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / Ed. by P. J. Forgas. – London, 1981. – pp. 181–209.
31. *Schmalleger F.* Criminology today: an integrative introduction. 2nd ed. – New Jersey, 1999. – P. 181.